

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 1 (112). С. 26–34.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025.
 Vol. no. 1 (112). Pp. 26–34.

**5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
 (юридические науки)**

Научная статья
УДК 342.5

**СООТНОШЕНИЕ МОРАЛИ И ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ЕСТЕСТВЕННО-
 ПОЗИТИВНОЙ ТЕОРИИ ПРАВА В. М. ШАФИРОВА:
 АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ПРОЧТЕНИЕ**

Егоров Александр Александрович

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА),
 г. Москва, Российская Федерация
 egorov.a90@mail.ru

Введение. В статье раскрываются вопросы, связанные как с анализом концептуальных моделей соотношения морали и права, так и с авторским подходом, изложенным в рамках естественно-позитивной теории права современного отечественного правоведа Владимира Моисеевича Шафирова. На основе анализа подхода В. М. Шафирова по вопросу исторической эволюции права показаны различные вариации соотношения морали и права в зависимости от соотношения естественного права и позитивного права. При этом формулируются тезисы, позволяющие переосмыслить положения естественно-позитивной теории права на основе альтернативного прочтения положений исследуемой теории.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили первоисточники в виде трудов самого В. М. Шафирова, а также научные труды, позволяющие проанализировать концептуальные модели соотношения морали и права. В ходе исследования применен диалектический метод, проведен анализ доктринальных философских и правовых источников по проблеме соотношения морали и права, использованы приемы обобщения и группировки данных, а также сравнительно-правовой, историко-правовой метод.

Результаты исследования позволили раскрыть процесс изменения и развития доктринальных подходов по соотношению морали и права, выявить авторское понимание этого вопроса В. М. Шафировым в контексте эволюции права и сформулировать альтернативное прочтение тезисов естественно-позитивной теории права с целью преодоления ее теоретических и практических дискуссионных моментов.

Выводы и заключения. Проведенный анализ позволил уточнить природу естественного права в рамках первобытной общины, актуализировать понимание феномена позитивно-естественного права в условиях образования государства, а также оценить теоретическую и практическую значимость феномена естественно-позитивного права.

Ключевые слова: мораль, право, обычное право, естественное право, позитивное право, позитивно-естественное право, естественно-позитивное право

Для цитирования: Егоров А. А. Соотношение морали и права в контексте естественно-позитивной теории права В. М. Шафирова: альтернативное прочтение // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 1 (112). С. 26–34.

**5.1.1. Theoretical and historical legal sciences
(legal sciences)**

Original article

**CORRELATION OF MORALITY AND LAW IN THE CONTEXT
OF V.M. SHAFIROV'S NATURAL-POSITIVE THEORY OF LAW:
AN ALTERNATIVE READING**

Aleksandr A. Egorov.

Kutafin Moscow State Law University (MGUA), Moscow, Russian Federation
egorov.a90@mail.ru

Introduction. The article reveals issues related both to the analysis of conceptual models of the relationship between morality and law, and to the author's approach outlined in the framework of the natural-positive theory of law by the modern Russian jurist Vladimir Moiseevich Shafirov. Based on the analysis of V.M. Shafirov's approach to the historical evolution of law, various variations of the ratio of morality and law depending on the ratio of natural law and positive law are shown. At the same time, theses are formulated that allow us to rethink the provisions of the naturally positive theory of law on the basis of an alternative reading of the provisions of the theory under study.

Materials and Methods. The research materials were primary sources in the form of the works of V.M. Shafirov himself, as well as scientific works that allow analyzing conceptual models of the relationship between morality and law. In the course of the study, a dialectical method was applied, an analysis of doctrinal philosophical and legal sources on the problem of the relationship between morality and law was carried out, methods of generalization and grouping of data were used, as well as a comparative legal, historical and legal method.

The Results of the Study made it possible to reveal the process of changing and developing doctrinal approaches to the relationship between morality and law, to identify the author's understanding of this issue by V.M. Shafirov in the context of the evolution of law and to formulate an alternative reading of the theses of the naturally positive theory of law in order to overcome its theoretical and practical controversial points.

Findings and Conclusions. The analysis made it possible to clarify the nature of natural law within the primitive community, to update the understanding of the phenomenon of positive natural law in the context of the formation of the state, as well as to assess the theoretical and practical significance of the phenomenon of natural positive law.

Keywords: morality, law, customary law, natural law, positive law, positive natural law, natural positive law

For citation: Egorov A.A. Sootnoshenie morali i prava v kontekste estestvenno-pozitivnoj teorii prava V.M. Shafirova: al'ternativnoe prochtenie [Correlation of Morality and Law in the context of the Natural-Positive Theory of Law V.M. Shafirov: an Alternative Reading]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 1 (112), pp. 26–34.

Система социально-нормативного регулирования имманентна любому обществу и воплощает в себе общечеловеческий пласт жизненного опыта определенного социума, конкретно-исторические особенности его существования, систему социальных ценностей. При этом такие социальные нормы, как мораль и право выступают наиболее осязаемыми

элементами системы социально-нормативного регулирования. В этом контексте следует подчеркнуть особую актуальность вопроса о соотношении этих двух форм человеческой практики. Бесспорно, существует целая совокупность дискуссионных, теоретически и практически значимых вопросов, связанных с пониманием морали и права самих по себе; данные вопросы, однако, в целом хорошо известны, однозначно сформулированы, методически апробированы, социально осмыслены и, кроме того, традиционно анализируются в контекстах соответствующих специализированных областей научного знания – этики и теории права.

Говоря о проблеме связи, соотношения исследуемых социальных норм, того «и», которое соединяет эти сферы, следует уточнить, что здесь, во-первых, нет такой же ясности, однозначно сформулированных точек зрения, линий размежевания, накопленного опыта дискуссий, как в каждой из этих областей знания в отдельности, и, во-вторых, в подобных случаях необходима компетенция, выходящая за рамки каждой из них, охватывающая одновременно обе области (этику и теорию права), и возвышающаяся над ними. Очевидно, что мораль и право – это две органически взаимосвязанные области общественной практики, между которыми существуют определенные отношения: они влияют друг на друга, отражаются друг в друге, противостоят друг другу и т. д. Более того, само состояние этих форм практики и их понимание в значительной степени зависит от того, как складываются взаимоотношения между ними.

На сегодняшний день сложились четыре концептуальные модели соотношения морали и права. Первая из них состоит в неизбежной синкретичности этих социальных регуляторов, невозможности отделить их друг от друга. Такой подход относится к первобытному строю.

Самые древние из известных нам норм поведения людей в первобытный (общинный, догосударственный) период существования человечества носили синкретичный характер. Современное, развитое, внутренне дифференцированное общественное сознание позволяет квалифицировать их как правовые, моральные, эстетические, религиозные, фактические и в то же время не дает возможности уместить их в рамки ни одной из этих рубрик. Вышеперечисленные социальные нормы были в целом апробированы в практической жизни и осознавались в их непосредственной данности. Таковы, например, древнейшие табу (кровосмешение, убийство, нарушение распределения обязанностей между мужчинами и женщинами и т. п.), действовавшие как естественные процессы. В научной литературе на основе данных истории, археологии и этнографии укоренилась идея мононорм, т. е. синкретичных правил поведения, сочетающих в себе прообразы религии, морали и права [1, с. 204]. Т. В. Кашанина, отрицая идею мононорм, аргументирует свою позицию тем, что неразвитое сознание первобытного человека не могло воспринять концепцию мононорм, да и сама эта концепция не могла существовать в силу отсутствия в то далекое время «первобытных исследователей» [2, с. 215–216]. Соглашаясь с тем, что мононормы – это современная интерпретация, еще неизвестная первобытной общине, следует отметить, что социальные регуляторы там наличествовали в виде единых норм, выполняющих роль обычного права и находящих свое выражение в системе запретов, обязанностей и дозволений.

Вторая концептуальная модель закрепляет отсутствие у морали и права общих особенностей. В данном контексте принято упоминать доктрину юридического позитивизма (нормативизма), согласно которой право – это сугубо приказ государственной власти, а мораль может признаваться лишь в том случае, если она соответствует требованиям позитивного права. Это односторонне утрированный подход, который укоренился в научной литературе и, к сожалению, является предельно упрощенным и даже ошибочным. Сравним его с позицией классика юридического позитивизма в России Г. Ф. Шершеневича (1863–1912).

По его мнению, нравственная оценка человека не ограничивается его внешним поведением. Например, действия человека, жертвующего деньги на строительство больницы, безусловно, являются нравственными. Однако для признания этого человека нравственным необходимо установить, какими мотивами он руководствовался – оказание помощи людям или получение ордена. В первом случае речь идет о нравственном человеке, а во втором – о ненадежном для общества человеке [3, с. 66–67]. Таким образом, нравственность оценивает любое поведение человека не только с объективной, но и с субъективной стороны.

Более того, Г. Ф. Шершеневич полагал, что если к нравственной норме присоединяется юридическая санкция, то данная норма, сохраняя свою этическую природу, одновременно приобретает правовой характер (например, если юридическая санкция придается этической норме, осуждающей родителей за развращение детей). И напротив, лишение нормы права юридической санкции преобразует ее в норму нравственности (например, отмена наказания за ростовщичество) [4, с. 70]. Следовательно, нормы нравственности и права органически взаимосвязаны и в ряде случаев переходят друг в друга. Признавая нравственность и право правилами, действующими одновременно в одной и той же общественной среде, Г. Ф. Шершеневич справедливо полагал, что они могут действовать совместно, по-разному, а в ряде случаев и находиться в противоречии друг с другом. Как мы видим, в рамках юридического позитивизма нет и не может быть «этической стерильности» права, которую многие исследователи (особенно на советском этапе) возводили и возводят в абсолюте как специфический опознавательный знак нормативизма. История общественной мысли свидетельствует, что выдающиеся вехи в истории моральной философии коррелируют с выдающимися вехами в истории политико-правовой мысли. Точно так же история развития народов и их государственных устройств показывает, что изменения в их правовых механизмах и общественных нравах идут рука об руку.

Третья концептуальная модель рассматривает право с позиции морали (нравственности). В данном контексте принято приводить позицию классика отечественной философии права В. С. Соловьева (1853–1900), который возвышал нравственность над правом, выстраивая своеобразную иерархию [5, с. 465, 557]. Эта точка зрения тоже не может выступать в качестве истины в последней инстанции. Очевидно, что право не может отождествляться с минимальным моральным уровнем, так как мораль и право – это самостоятельные социальные регуляторы, имеющие собственные особенности, принципы, теоретические и прикладные значения. Без сомнения, большинство норм права, по крайней мере на минимальном уровне, соответствуют моральным заповедям, но это обстоятельство не лишает их юридической природы и не трансформирует их в моральные нормы.

Последняя концептуальная модель соотношения морали и права состоит в том, что эти социальные нормы самостоятельны, но в ряде случаев дополняют друг друга [6, с. 8–9]. Представляется, что данный подход не универсален, но наиболее реалистичен на сегодняшний день. Разумеется, в практической жизни любого общества бывают ситуации, когда право или законодательство противоречит морали, что не служит основанием для его автоматического изменения или отмены. Таким образом, связь морали и права является принципиально открытой исследовательской проблемой: она самостоятельна, ибо не может получить разрешения в узких дисциплинарных рамках только этики или только правоведения, а требует более широкого и системного взгляда на жизнь человека и общества; она открыта, так как, поскольку речь идет об аспектах живой практики общественного развития, сам предмет является открытым, развивающимся, постоянно обновляющимся, включая и различные взгляды на него.

Правовая наука развивается во всем мире, активно издается юридическая литература, и каждый автор стремится ее чем-то обогатить. Не вызывает сомнения, что приращение научного знания, расширение научных горизонтов познания и понимания права обусловлены общественным прогрессом и необходимы для социума. В этом смысле появление «новых теорий права» можно квалифицировать как признание исключительного интеллектуального и научного потенциала отечественных правоведов. Эта интерпретация весьма привлекательна и благозвучна. Однако реальность однозначно опровергает безальтернативность, да и в целом правильность этого постулата.

Существует еще и скептическое объяснение, согласно которому в предлагаемых сегодня вариантах понимания права нет ничего нового. «На деле большинство нетрадиционных (неклассических) подходов к пониманию права оказывается разновидностью вполне традиционных социолого-позитивистских представлений о праве, изложенных в терминах какой-либо постмодернистской философской парадигмы», – пишет Н. В. Варламова [7, с. 89]. По мнению О. В. Мартышина, эти «самопровозглашенные теории» (наподобие самопровозглашенных государств) заняли место в юридической литературе только благодаря отсутствию принципиальной критики и дискуссий, т. е. благодаря равнодушию и безучастности специалистов [8, с. 282]. Эти критические оценки нуждаются в анализе, включая конструктивную, аргументированную критику.

Говоря о необходимости критики, мы не можем не понимать, что она должна быть конструктивной. Уже упомянутый О. В. Мартышин отрицал значимость «новых теорий права», апеллируя к общеизвестности или самоочевидности тезисов, составляющих их суть, используя при этом фигуру умолчания. Вряд ли данный вариант критики, существующий на грани культуры научной полемики, можно назвать аргументированным или конструктивным. Скорее, речь здесь идет о некоторой некорректности ведения дискуссии. Жанр критической рецензии, обзора основных доктринальных концепций какого-либо учения о праве и государстве, как думается, должен иметь теоретическую и практическую значимость, отражать существующие либо прогнозируемые закономерности права и государства. В противном случае любые выпады в адрес того или иного учения или автора не могут иметь теоретической и практической ценности. В этом контексте целесообразным видится преодоление односторонне утрированного восприятия «новых теорий права», которое сводится к их безоговорочному восхвалению или безапелляционному отрицанию. Думается, что наукой востребован анализ положений «новых теорий права», основанный на конкретизации возможных логических ловушек и теоретических недостатков их положений и выдвижении на этой основе альтернативных вариантов редакции того или иного тезиса. В данном случае целесообразным видится пересмотр вопросов соотношения морали и права в рамках естественно-позитивной теории права, сформулированной почти двадцать лет назад отечественным правоведом Владимиром Моисеевичем Шафировым.

Исходным пунктом в понимании соотношения морали и права выступает история появления и развития права в контексте теории естественно-позитивного права В. М. Шафирова. По его мнению, история права, подчиняясь логике человеческого измерения, проходит в своем формировании и эволюции три ступени: естественное право или естественные и неотчуждаемые права человека, позитивное право, естественно-позитивное право [9, с. 187]. Обратимся к пояснениям самого автора применительно к естественному праву.

Отмечая возникновение естественного права еще в догосударственную эпоху, В. М. Шафиров отмечает, что оно имело нравственную, религиозную, а не юридическую природу [10, с. 10]. Таким образом, соотношение морали и права в рамках догосударственного этапа представляло собой единый, нерасчлененный регулятор общественных отношений,

для которого была характерна невозможность проведения демаркационной линии между моральными заповедями и нормами права. Такой подход полностью соответствует ранее описанной первой концептуальной модели соотношения морали и права. Вместе с тем отметим некоторую некорректность концептуальной модели В. М. Шафирова.

Очевидно, что упомянутое ученым естественное право в первобытной общине являлось обычным правом, т. е. правом, основанным на наиболее значимых обычаях общины. Нормы обычного права имели естественный характер, так как они сложились в рамках различных видов общественных отношений: брак и семья, разделение труда, ведение войн с другими племенами и т. п. Представляется, что данные нормы обычного права, находясь в теснейшей взаимосвязи с прообразами религии и морали, имели именно юридическую природу, так как их несоблюдение влекло для общинника неблагоприятные последствия, налагаемые от имени общины. Таким образом, можно сформулировать следующий тезис: **в первобытной общине действовали нормы обычного права, которые хоть и находились в органической взаимосвязи с религией и моралью, но при этом имели юридическую природу в силу наличия общеобязательности. В рамках такого подхода мораль и право представляли собой единое целое, что нашло свое выражение первоначально в обычаях общины, а затем и в основанных на этих обычаях нормах обычного права, нашедших свое выражение в запретах, обязанностях и дозволениях.**

Вторая ступень в теории В. М. Шафирова – позитивно-естественное право. Автор теории пишет: «В процессе рождения позитивного права произошло не отделение естественного от волеустановленного права, а их противоречивое взаимопроникновение. Появление института гражданства позволило признать личность свободной, официально зафиксировать исходный комплекс прав (их объем, перечень), средства их защиты» [10, с. 10]. Позитивный фактор, по мнению В. М. Шафирова, затмил природу человека как истинный источник права и выдвинул на первый план внешнее, властно-волевое обязательно-принудительное начало.

Можно предположить, что появление позитивного права и основанного на нем института гражданства оттесняет мораль на второй план и делает акцент на воле государства, выраженной в законе. Характеризуя такой феномен как позитивно-естественное право, В. М. Шафиров во многом воспроизводит классический постулат юридического позитивизма, дискуссионность которого ранее была проиллюстрирована на примере подхода Г. Ф. Шершеневича. Здесь необходимо сделать принципиальное уточнение. Данные исторической науки однозначно свидетельствуют о том, что первые в мире государства по своему общественно-политическому строю были рабовладельческими. Следовательно, для таких государств был характерен институт не гражданства, а подданства, который закреплял неравенство, зависимое положение отдельных социальных групп и привилегии господствующего класса. При таких конкретно-исторических условиях можно согласиться с тем, что внешнее, властно-волевое обязательно-принудительное начало вытесняет моральные основания права. Таким образом, сформулируем следующий тезис: **образование государства и появление позитивного права обусловили возникновение института подданства, установившего неравенство, зависимое положение отдельных социальных групп и привилегии господствующего класса, что выразилось в выдвигании на первый план властно-волевого, обязательно-принудительного начала права и принижении значения морали как социального регулятора.**

Третья ступень – это естественно-позитивное право. «Ее начало, – пишет В. М. Шафиров, – следует связывать со снятием классовых, сословных привилегий, преимуществ, утверждением юридического равенства всех людей перед законом, выдвиганием человека, его прав и свобод на центральные позиции в юридической системе.

Позитивная составляющая превращается в средство обеспечения прав и свобод. В полном объеме естественно-позитивное право раскрывает свой потенциал на современной стадии развития цивилизации» [9, с. 187]. По мнению В. М. Шафирова, в современных условиях право не может быть естественным или позитивным, его бинарная (двойственная) природа свидетельствует о том, что право может быть только естественно-позитивным. При этом понятие «естественно-позитивное право» в одинаковой мере имеет как научное, так и непосредственно практическое значение [9, с. 186]. Проанализируем эту концептуальную модель в контексте соотношения морали и права.

История развития права при всех своих хронологических и конкретно-государственных особенностях свидетельствует о постепенном, но неуклонном расширении сферы свободы человека. Эта тенденция общеизвестна и сомнений не вызывает. Если же анализировать теоретическую значимость феномена естественно-позитивного права, то можно обнаружить концептуальное противоречие. Суть проблемы теоретического уровня заключается в следующем: «естественно-позитивное право» считается правом в силу его соответствия прирожденным правам человека или вследствие официального утверждения норм права, обязательность которых гарантируется государственным принуждением? Если права человека рассматриваются как самодостаточный императив, не требующий государственного подтверждения, то можно уверенно констатировать, что речь идет о теории естественного права. В случаях, когда для признания обязательной нормы необходимо государственное принуждение, это верный признак юридического позитивизма. В таких случаях принципы естественного права выступают как идейный источник, но не могут быть обязывающей нормой. Позитивное право в случае совпадения с нормами естественного права не теряет своей официальной или позитивной природы. Очевидно, что такое совпадение, по крайней мере на минимальном уровне, существует всегда. Таким образом, попытка соединить естественное право с позитивным правом в теоретическом контексте влечет за собой смешение понятий и подходов и приводит к непреодолимым концептуальным противоречиям в вопросах понимания права.

Что же касается практической значимости идеи «естественно-позитивного права», то она тоже вызывает серьезные сомнения. Как мы знаем, естественное право исходит из справедливости, а позитивное право, даже если оно не чуждо соображениям справедливости, соизмеряет ее с целесообразностью. Позитивное право всегда было и остается волеустановленным правом, т. е. в нем по преимуществу выражается воля государства. Следовательно, это в первую очередь средство реализации государственной политики, которая зачастую вступает в противоречие с принципами естественного права. Таким образом, в практическом аспекте не может быть никакого естественно-позитивного права, а может быть лишь позитивное право, которое всегда легализует определенный естественно-правовой минимум. Таким образом, сформулируем следующий тезис: **на сегодняшний день естественное право и позитивное право самостоятельны и не могут образовывать единое целое в силу наличия собственных сущностных особенностей, принципов и источников происхождения. Соотношение морали и права в этом ключе видится в том, что позитивное право всегда, по крайней мере на минимальном уровне, легализует нормы морали, но не совпадает с ними, а в ряде случаев их требования и вовсе расходятся.**

Подводя итог исследованию вопроса о соотношении морали и права в рамках естественно-позитивной теории права В. М. Шафирова, следует отметить, что данный ученый предпринял актуальную и востребованную юридической наукой попытку раскрыть эволюцию истории права на основе тесной взаимосвязи естественного и позитивного права. Как творческое и самостоятельное исследование, эта попытка не лишена определенных

теоретических и практических недостатков и содержит ряд положений, в которых усматриваются спорные моменты и резервы для дальнейшего развития и совершенствования. Становление научной мысли напрямую определяется готовностью исследователей не просто безапелляционно отвергать те или иные дискуссионные теории права, а на основе конструктивной критики переосмысливать их положения, имеющие как теоретическое, так и прикладное значение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества. М., 1990. 351 с.
2. Кашанина Т. В. Происхождение государства и права. Современные подходы и новые трактовки. М., 1999. 332 с.
3. Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве : лекции. М., 1911. 163 с.
4. Шершеневич Г. Ф. Определение понятия о праве. Казань, 1896. 83 с.
5. Соловьев В. С. Оправдание Добра // Библиотека «Вехи» : сайт. URL: <https://www.vehi.net/soloviev/oprav/index.html> (дата обращения 12.12.2024).
6. Гусейнов А. А. Мораль и право: линия разграничения // Lex russica. 2018. № 8. С. 7–22.
7. Варламова Н. В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М., 2010. 136 с.
8. Мартышин О. В. Философия права. М., 2020. 352 с.
9. Теория государства и права в науке, образовании, практике : монография / Ю. Г. Арзамасов В. М. Баранов Н. В. Варламова и др.; пред. ред. совета Т. Я. Хабриева. Институт законодательства и сравнительного правоведения при правительстве российской Федерации; Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА). М. : ИД Юриспруденция, 2016. 480 с.
10. Шафиров В. М. Естественно-позитивное право (проблемы теории и практики) : дис. ... докт. юрид. наук. Красноярск, 2005. 479 с.

REFERENCES

1. Alekseev V. P., Pershic A. I. Istoriya pervobytnogo obshchestva [The history of primitive society]. Moscow, 1990, 351 p.
2. Kshanina T. V. Proiskhozhdenie gosudarstva i prava. Sovremennye podhody i novye traktovki [The origin of the State and law. Modern approaches and new interpretations]. Moscow, 1999, 332 p.
3. Shershenevich G. F. Obshchee uchenie o prave i gosudarstve [The general doctrine of law and the State]. Moscow, 1911, 163 p.
4. Shershenevich G. F. Opredelenie ponyatiya o prave [Definition of the concept of law]. Kazan, 1896, 83 p.
5. Solov'ev V. S. Opravdanie Dobra [Justification of Goodness]. URL:<http://www.vehi.net/soloviev/oprav/index.html> (date of request 12.12.2024).
6. Guseynov A. A. Moral' i pravo: liniya razgraniicheniya [Morality and law: the line of demarcation]. Lex russica. 2018, no. 8, pp. 7–22.
7. Varlamova N. V. Tipologiya pravoponimaniya i sovremennye tendencii razvitiya teorii prava [Typology of legal understanding and current trends in the development of the theory of law]. Moscow, 2010, 136 p.
8. Martyshev O. V. Filosofiya prava [Philosophy of law]. Moscow, 2020, 352 p.

9. Arzamasov Y. G., Baranov V. M., Varlamova N. V. Teoriya gosudarstva i prava v nauke, obrazovanii, praktike [Theory of the State and law in science, education, and practice]. Moscow, 2016, 480 p.

10. Shafirov V. M. Estestvenno-pozitivnoe pravo (problemy teorii i praktiki): Dis. ... dokt. yurid. nauk [Natural-positive law (problems of theory and practice): Dis. ... doct. jurid. sciences']. Krasnoyarsk, 2005, 479 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егоров Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права. Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egorov Alexander Alexandrovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law. Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993, Russia, Moscow, 9 Sadovaya-Kudrinskaya St.

Статья поступила в редакцию 19.10.2024; одобрена после рецензирования 19.11.2024; принята к публикации 19.01.2025.

The article was submitted 19.10.2024; approved after reviewing 19.11.2024; accepted for publication 19.01.2025.